

За яростных, за непокорных...

ИСТОРИЯ ПЕСНИ: «БРИГАНТИНА»

36

Печальной памяти 1937 год. По стране вовсю гремят показательные процессы над партийными и военными деятелями, объявленными «врагами народа». Маховик репрессий набирает обороты. Советским людям трудно пока осознать происходящее – но в них прочно начинают вселяться страх и недоверие. Народ переходит на шепот, учится молчанию...

Самойлов. – Мало кто из них успел тогда напечататься, но московское студенчество – аудитория строгая и живая – знало их хорошо».

А студенчеству (не только московскому) во все времена была необходима атмосфера молодежной компании, в которой можно было свободно обсуждать свои проблемы, вступать в дискуссии по наболевшим вопросам.

В первой половине тридцатых годов часть домов поселка сдавалась в аренду. И однажды в соседний с когановским дом въехала еще одна семья, приехавшая из Барнаула. И был в этой семье мальчик по имени Жора Лепский, очень любивший рисовать, а также на слух, без знания нотной грамоты, играть на фортепиано.

Казалось бы, время совсем не подходящее для настоящих, внутренне свободных поэтов, музыкантов, художников. И тем не менее...

«Перед войной по Москве бродило множество молодых поэтов, – вспоминал о тех годах поэт Давид

И такие студенческие компании, своеобразные сообщества творческой молодежи возникали даже в этот довольно мрачный период нашей истории.

Был в предвоенной Москве такой гуманитарный вуз – Институт

философии, литературы и истории (ИФЛИ), созданный на базе факультета истории и философии МГУ. В этом институте учились такие известные впоследствии поэты, как Борис Слуцкий, Семен Гудзенко, Сергей Наровчатов, Юрий Левитанский, вышеупомянутый Давид Самойлов...

В то же время в Литературном институте имени Горького на семинаре, которым руководил Илья Сельвинский, занимались Александр Яшин, Михаил Кульчицкий, Евгений Агранович, Михаил Львовский.

Особо выделялся из этой группы молодых поэтов Павел Коган – студент ИФЛИ, посещавший параллельно семинар Сельвинского.

Родился Павел Коган в Киеве в 1918 году. Когда ему было четыре года, семья Коганов переехала в Москву. Поселилась она в толь-ко что построенном коттеджном поселке Народного комиссариата финансов, что располагался неподалеку от Белорусского вокзала – на том самом месте, где потом был выстроен огромный производ-

ственно-издательский комплекс газеты «Правда». Тогда эта была типичная московская окраина – район, где проживали извозчики и цыгане.

В первой половине тридцатых годов часть домов поселка сдавалась в аренду. И однажды в соседний с когановским дом въехала еще одна семья, приехавшая из Барнаула. И был в этой семье мальчик по имени Жора Лепский, очень

любивший рисовать, а также на слух, без знания нотной грамоты, играть на фортепиано.

Ребята быстро подружились, несмотря на то, что Павел был на год старше Георгия. И однажды, когда Коган уже был студентом-первокурсником, а Лепский еще заканчивал среднюю школу, им вдруг пришла в голову идея сочинить песню – о дальних морях, путешествиях, о людях сильных духом. Что их вдохновило? Может быть, только что прошедшие с триумфом в кинотеатрах страны экранизации «Детей капитана Гранта» и «Острова сокровищ» – классических приключенческих романов? А может, ощущение внутренней свободы – вступая во взрослую жизнь, обозначить себя как личность?

Вот как вспоминал этот день пятьдесят лет спустя, в 1987 году сам Георгий Лепский:

«Меня часто спрашивают: как создавалась «Бригантина»? Просто создавалась: два паренька, почти мальчишки, солнечная комната, старый рояль... Не думалось нам с Павлом Коганом, когда мы строили нашу «Бригантину», что ее плавание будет столь длинным. Да, она плывет – и паруса ее не поникли, хотя прошло 50 лет.

В тот солнечный осенний день 1937 года Павел зашел ко мне, как заходил частенько, ведь жили мы совсем близко и дружили уже три года. Безудержный фантазер и мечтатель, забияка и атаман! Его облик поразил меня, может быть, по контрасту, какой-то стремительной мужественностью, резкой решительностью. Но более всего он был поэтом и романтиком, выдающим жизнь возвышенно и взволнованно.

Мы быстро подружились, виделись почти ежедневно. И вот этот осенний солнечный день в моей комнате. Читали стихи, курили

«Итак, зачем первые строки «Бригантины» и как возникли? А не будь их, прожила бы песня столько лет? Уверен, для Павла первый куплет не был чем-то выношенным и обдуманым. Поэт просто выплеснул, что томило душу, без объяснений...»

(Павел трубку), я что-то наигрывал на рояле. Не помню, кому из нас пришлось на ум песню сочинить, но мы сразу принялись за дело: Павел присел за стол и через несколько минут показал мне первое четверостишие: «Надоело говорить, и спорить, и любить усталые глаза... в флибустьерском дальнем синем море бригантина поднимает паруса».

Я никогда прежде не сочинял музыку да и ноты как следует записать не умел, играл по

слуху. Тем не менее я храбро взял бумажку с текстом и сел за рояль, а Павел пошел в соседнюю комнату дописывать стихи.

Тем временем я импровизировал мелодию. Сначала пришла музыкальная фраза на последние две строчки, а потом придумалось и начало куплета. Кажется, не прошло и двух часов, как «Бригантина» была готова к «спуску на воду».

Откровенно говоря, авторы остались довольны своим произведением. Понравилось оно и нашим друзьям».

А один из этих друзей – студент Литинститута Евгений Агранович, часто бывавший у Когана, – даже внес свою редакторскую лепту. Дело в том, что первая строфа у Когана изначально звучала так:

**Надоело говорить, и спорить,
И любить усталые глаза...
В флибустьерском дальнем море
Бригантина поднимает паруса...**

Тогда Агранович предложил, чтобы все строки были одного размера, добавить в текст одно слово. Получилось:

**В флибустьерском
дальнем синем море
Бригантина поднимает
паруса...**

А вот как Евгений Данилович Агранович, сам написавший впоследствии много песен, ставших подлинно народными (таких, как «Я в весеннем лесу пил березовый сок», «Пыль» на стихи Киплинга, песню из фильма «Офицеры»), объясняет побудительный порыв возникновения «Бригантины»:

«Итак, зачем первые строки «Бригантины» и как возникли? А не будь их, прожила бы песня столько лет? Уверен, для Павла первый куплет не был чем-то выношенным и обдуманым. Поэт просто выплеснул, что томило душу, без объяснений:

**Надоело говорить и спорить,
И любить усталые глаза...**

Увлекательные многочасовые споры школяров и первокурсников, глобальные, глубокие, важнейшие (как мне казалось), некую потребность души наркотически утоляли, но насытить не могли. Оставляли они после себя тревожную пустоту, мертвую надуманность. Догмы казенной философии и щелки не оставляли для вольного воздуха мнений и поисков правды. Все были стопроцентно ортодоксальны, уже знали – шаг вправо-влево – пуля. Всех ошеломили чудовищные процессы 1937–38 годов, гибель многих кумиров молодежи. Говорить и спорить бесполезно и смертельно опасно.

А что это – «любить усталые глаза»? Любовь безрадостная, неразделенная... И неотпустимая – ни обнять, ни бросить.

Нет поэту опоры ни в любви, ни в шумной ватаге спорщиков. Душа устремилась в дальнее и давнее море, под равные паруса флибустьерской бригантины.

Потом, в 1939 году, поступил в Московский институт прикладного искусства (был тогда и такой!). Но прямо с первого курса был мобилизован в армию. А еще через два года началась Великая Отечественная война, которую Лепский встретил солдатом срочной службы.

Хорошо, юношеская романтика, сказка, мечта... Но почему спасаться надо в чужой, насквозь книжной, такой выдуманной легенде? Разве ничего нет ближе, родней, теплей? Вот «в далекий край товарищ улетает» – летчик Долматовского и Богословского.

«Любимый город может спать спокойно...» А героиня гражданской войны, пронизавшая всю литературу, музыку?

Мы, цвет комсомола, «закаленная сталь» Павла Корчагина, нам ли пить за яростных, непохожих (на кого?) золотое терпкое вино?... Оказывается, в самой глубине души, куда и не заглядываешь на лекциях и диспутах, мы – флибустьеры и авантюристы... Ужасное недоверие к нашей душевной казенной идеологии мы скрывали даже от себя. <...> Величие, пафос... Но теплее была удаль, свобода «Бригантины» с капитаном, обветренным, как скалы.

Георгий Лепский вскоре написал еще несколько песен – на стихи того же Павла Когана и его друзей: Сергея Наровчатова, Давида Самойлова, Евгения Аграновича. Потом, в 1939 году, поступил в Московский институт прикладного искусства (был тогда и такой!). Но прямо с первого курса был мобилизован в армию. А еще через два года началась Великая Отечественная война, которую Лепский встретил солдатом срочной службы.

Павел Коган, хотя и имел «бронь» по состоянию здоровья, ушел добровольцем на фронт, стал военным переводчиком, дослужился до звания лейтенанта. В 1942 году вблизи сопки Сахарная Голова под Новороссийском разведотряд, возглавляемый

институт на художественно-графический факультет.

«Там еще не было ни Визбора, ни Якушевой, звание «Московский поющий» МГПИ получил несколько позже, – вспоминал Георгий Соломонович многие годы спустя. – Однако первую свою песню на собственные слова я написал, когда был студентом <...> И с тех пор я не прекращаю от случая к случаю сочинять песни».

Окончив МГПИ в 1950 году, Лепский работал учителем рисования и черчения в школе, преподавал изобразительное искусство в МГПИ на факультете начальных классов, позднее являлся научным сотрудником Института художественного воспитания.

И, конечно, авторы не могли предположить, что их «Бригантину» написанную изначально для узкого круга единомышленников, и некоторое время не выходящую за пределы этого самого круга, подхватят в ИФЛИ, затем в МГУ, а спустя десятилетия ее будут распевать во многих вузах как народную, она станет передаваться из уст в уста – причем в прямом смысле! (Магнитофонов тогда еще не было.)

Это, впрочем, было уже в пятидесятые годы, когда студенческое самодеятельное песенное творчество приобрело массовый характер, и было своеобразной альтернативой песне официальной, тщетно навязываемой «сверху» в форме «социального заказа». Именно вузы пятидесятых были теми гнездами, где зарождалось новое явление отечественной культуры, впоследствии полу-

чившее название «авторская», или «бардовская», песня. А если добавить к этому почти повальное увлечение туризмом в молодежной среде тех лет, то становится ясно, почему «Бригантина» пришлась по душе любителям странствий.

Коганом, попал в окружение, а сам Павел погиб в перестрелке. Было ему 24 года...

Георгий Лепский вернулся с войны живым в звании младшего сержанта. Демобилизовавшись в 1946-м, он поступил в Московский государственный педагогический

Как у любой песни, «потерявшей авторство» и ставшей частью фольклора, у «Бригантины» стали появляться новые строки, а иногда даже новые куплеты. Другие времена нуждались в других эпизодах. И если у Когана было:

**Пьем за яростных,
за непохожих...**

то теперь эта строка зазвучала по-другому:

**Пьем за яростных,
за непокорных...**

«Пьем за яростных, за непокорных, за презревших грошевой уют» – вот в чем дело! «Бригантина» Павла Когана – это как символ новой дороги, отправления в путь, неизвестной пока еще, но уже ясно предчувствуемой радости», – писал Юрий Визбор в одном из своих репортажей, посвященном студенческим песням. – В то же время в миллионных тиражах издавались другие песни, где говорилось: «Все пути открыты молодым...» или «Нам открыты все шири, все дали...» Жизнь по этим песням казалась гладким заасфальтированным проспектом, по которому нужно было только пройти. А ребятам не хотелось открытых кем-то далей. Им хотелось прорубаться в эти дали своими бульдозерами или повестями, своими топорами или формулами. Старая «Бригантина», как разводящий, обходила по вечерам институты, зажигала на берегах костры романтики. Ах, как у этих костров хотелось всего настоящего: работы, любви, удачи...»

А еще спустя какое-то время образ когановской бригантины шагнул далеко за пределы вузовских стен и туристских костров, его использовали даже во многих официальных эстрадных песнях 1960 – 70-х годов. Вспомним, например, в исполнении Иосифа Кобзона:

**Живем в комарином краю,
И легкой судьбы не хотим.
Мы любим палатку свою –
Родную сестру бригантин...**

Или еще – из фильма «Жили три холостяка»:

**Уходит бригантина
от причала,
Мои друзья пришли на
торжество...**

А многие исследователи бардовского творчества справедливо считают «Бригантину» той точкой отсчета, откуда пошла авторская песня как самостоятельный жанр. Недаром обе антологии, изданные в последние годы и составленные соответственно Дмитрием Сухаревым и Роланом Шиповым, открываются «Бригантиной»...

Да и сама старая добрая «Бригантина» неоднократно стала печататься в песенниках и тоже была издана миллионным тиражом на пластинке фирмы «Мелодия» в исполнении певца Юрия Пузырева. Парадокс был в том, что пластинка называлась «Песня комсомольская моя», была выпущена к очередному юбилею (или съезду) комсомола, и «Бригантина» оказалась в одном ряду с «Гимном демократической молодежи», «Комсомольцами-добровольцами» и другими официальными песнями, в противовес которым, собственно, ее запели и полюбили! Вот уж воистину, «нам не дано предугадать, как слово наше отзовется!»

А многие исследователи бардовского творчества справедливо считают «Бригантину» той точкой отсчета, откуда пошла авторская песня как самостоятельный жанр. Недаром обе антологии, изданные в последние годы и составленные соответственно Дмитрием Сухаревым и Роланом Шиповым, открываются «Бригантиной» – и лишь затем в алфавитном порядке уже представлено творчество всех авторов.

Если эту гипотезу взять как данность, то осенью этого года будет своеобразный юбилей, при-

чем двойной: семидесятилетие «Бригантины» и семидесятилетие отечественной бардовской песни.

Жаль, что автор музыки Георгий Лепский не дожил до этого дня – он умер в 2002 году, в возрасте 82 лет.

А «Бригантина» жива!

В июле этого года автор этих строк организовывал сборный концерт бардов на открытой эстраде московского парка

«Сокольники». Под конец участники предложили зрителям (а зрителями в основном были обычные отдыхающие, задержавшиеся на время послушать песни) спеть всем вместе «Бригантину». Никто не молчал – подпевали все!

Песня жива! И можно с уверенностью сказать: будет жить!

Григорий Симаков.

Фото: Каримов И.

Автор выражает благодарность Владимиру Альтшуллеру и Александру Костромину за предоставленные материалы и устные советы, необходимые при подготовке этой статьи.

Источники цитирования:

1. Коган П. Д. Гроза. М., «Советский писатель», 1960.
2. Ты и твоя песня. /Сост. Л. П. Беленький, И. П. Михалев. – М., Профиздат, 1987.
3. Агранович Е. Д. Избранное. Книга 1. М., «Вагант-Москва», 2001.
4. Визбор Ю. И. Сочинения в 3 т. Т. 3. М., «Локид-Пресс», 2001.

CD-приложение

Тр. 1. **Бригантина**, муз. Лепский Г.С., ст. Коган П.В., исп., «Песни нашего века». © ЗАО ИВС, диск «Песни нашего века».